30 апреля исполняется два года, как скончался выдающийся украинский поэт, активный автор и друг “Нашего современника” Борис Ильич Олейник. Из Киева почта принесла статью, раскрывающую ещё одну важную грань личности и творчества великого Поэта и Гражданина. Её мы и предлагаем читателям.

Борис Олейник – поэт глубоко и органично национальный, украинский до мозга костей. Если же говорить о нём под углом зрения национальной идентичности, то он, будучи истовым, истинным украинцем, в то же самое время был страстным славянином, для которого славянские скрепы в языках, культуре, истории отнюдь не были ни пустым звуком, ни глубокой архаикой. Украинская идентичность естественно вырастала у поэта из славянской коренной системы, уходящей своим началом в глубину веков и тысячелетий. Украинское и славянское начала не противоречили друг другу. Их сочетание и совмещение не создавали почву для конфликта. Наоборот, они дополняли друг друга, сообщая новые черты и качества.

Если когда-нибудь мы созреем до того, чтобы подготовить и издать “Словарь языка Бориса Олейника”, окажется, что слово “славянский” в различных его вариантах и модификациях встречается в его поэзии, публицистических текстах очень часто. И всегда – с чётко выраженными позитивными коннотациями. Позволю себе в этой связи всего один-единственный пример из стихотворения “Забіліли сніги”, положенного, как известно, на музыку: “Помолюсь крадькома на твоє праслов’янське обличчя...”. “Праславянское лицо” для лирического героя значит хорошее, красивое, правильное, такое, на которое можно и нужно молиться. Это – не случайность, а устойчивая закономерность. Всё славянское, праславянское и поэт, и его лирический герой воспринимают только в положительном ключе.

В поисках ответов на острые вопросы времени поэт часто обращался к славянской теме. Выступая на первом заседании “Минской инициативы”, он сказал: “Рискнув в состоянии эйфории от обретённой независимости включиться в современный дискурс, определяемый глобализацией, поодиночке, восточные славяне, привыкшие с давних времён жить вместе, одной дружной, неделимой семьёй, остались лицом к лицу перед серьезнейшими вызовами. Одним из них стал императив выстраивания на новой основе и на новом уровне отношений друг с другом. Этот процесс шёл с переменным успехом, бывало, что

что-то выстраивалось, бывало, что, наоборот, ломалось и рушилось. В конце концов, дело приняло такой оборот, что сегодня нам крайне непросто прекратить ссоры и склоки друг с другом, и ещё сложнее – вернуться в лоно общего культурного, духовного, цивилизационного пространства. Того общего пространства, которое освящено многовековой, тысячелетней традицией. Того общего пространства, в котором восточнославянские культуры всегда черпали вдохновение и силу. Того пространства, вне которого каждая из культур, в особенности – украинская и белорусская, сталкивается с угрозой превращения в заурядную провинциальную забаву, малоинтересную для кого-либо, кроме самой себя". Сказано о восточных славянах, но, следуя логике поэта, вполне может быть распространено на славянский мир в целом.

Осознание своей принадлежности к славянской общности следует считать одной из фундаментальных отличительных особенностей мировоззрения и мироощущения Бориса Олейника. Из него, в свою очередь, вырастает чувство славянской солидарности, замешанное на идее славянской взаимности, общеславянского единства как позитивной модели отношений между народами и государствами.

Подводя итог этому краткому "экскурсу" в мировоззренческий пласт личности Б. Олейника, вспомню один эпизод своего многолетнего живого общения с Мастером. Как-то попросил его прочесть доклад, подготовленный мной для одного международного мероприятия. Речь в нём как раз шла о славянской взаимности и идее славянской общности в новых исторических условиях. Среди прочего, в тексте было такое утверждение: "Мы – украинцы, мы – славяне, мы – европейцы, мы – земляне". Борис Ильич обратил на него внимание. Его комментарий звучал примерно так: "С первой частью твоей формулы я полностью согласен. Что касается "нас – европейцев", то это не более, чем абстракция. Ну, а "мы – земляне" – это вообще ничего не значит".

Тема славянства – не эпизодическое вдохновение, но постоянный духовный родник, к которому поэт припадает на протяжении всей своей творческой жизни. В "Оде Киеву", написанной в дни празднования 1500-летнего юбилея древнейшего русского города, Борис Олейник особо выделил его восточнославянское значение: "*Калиновая зыбка // трёх мужей, // Что разметали // полчища Батыя, // Возрадуйся, //золотоглавый Киев, // Высокий щит // славянских рубежей!*"

Рубеж как символ предела, за которым отказ от своего многовекового прошлого, культурной православной идентичности, стал главным смыслом замечательной поэмы Бориса Олейника "Трубит Трубеж". В ней о судьбе Украины вместе с поэтом размышляют Богдан Хмельницкий и Тарас Шевченко. О такой ли Украине они мечтали? Такую ли Украину построили "*вкраинолюбы ревни*"? Поэт не идеализирует прошлое, но и от нынешнего состояния дел он далеко не в восторге. Вложенные в уста Шевченко слова о политических поводырях народа звучат, как наше родовое проклятье: "*Они при всех режимах – на посту, // Им всё едино, власть доить какую, // Они святыню продадут любую – // Хоть красную, хоть // жёлто-голубую...*". Поэт заканчивает свою тревожную повесть об Украине призывом отбросить всё суетное и мелочное, выполоть "осот розбрата" и явить себя миру единым народом. Увы, его призыв остался не услышанным и не понятым. Украину-таки загнали в те самые "мальтийские сети", о которых он упоминал.

Глубокие и прочные славянские мировоззренческие корни, отличавшие Б. Олейника с самых ранних лет, с первых шагов в литературе, проявились, кроме всего прочего, в неравнодушии поэта к судьбам других славянских народов, в не ослабевавшем живом интересе к тому, что происходит в славянских литературах. Интерес, надо отметить, был взаимным: у славян творчество Б. Олейника всегда пользовалось повышенным вниманием, его много переводили на славянские языки, о нём писали. Весьма обширными, устойчивыми и во многих случаях плодотворными были личные контакты Поэта с коллегами по поэтическому цеху из славянских стран от Балтики до Адриатики.

Так случилось, что южные славяне, в первую очередь, сербы заняли в жизни и творчестве Б. Олейника особое место. Именно так: и в творчестве, и в жизни, в судьбе. Борис Олейник и Сербия – это отдельная большая тема для отдельного большого разговора. Всё начиналось, по-видимому, тогда, когда поэт в составе различных делегаций в 1960–1970-е годы побывал в Югославии, в Сербии. Среди тех, с кем он там познакомился, была

сербская поэтесса, живой классик литературы народов СФРЮ Десанка Максимович. Встреча, знакомство с ней послужили для Б. Олейника толчком для создания поэмы "Урок". Той, в которой он открывает "закон сохранения памяти" и которая многие годы и десятилетия была неотъемлемым элементом наших школьных программ по литературе. Была, а теперь перестала быть. В "Уроке" поэт откликается на историческое событие времён Второй мировой войны в Сербии, описанное в стихотворении Д. Максимович "Кровавая сказка": расстрел немецкими карателями школьников и учителей в сербском городе Крагуевац в 1941 году. Больше с сербской темой поэт не расставался.

В дни новой сербской и югославской трагедии в 1990-е годы, когда "старая" Югославия была развалена, а Югославия "новая" подверглась агрессии со стороны США и НАТО, он не раз бывал в югославских фронтовых окопах, выступал с яркими публицистическими эссе. Видя глубинную сущность того, что происходило тогда на Балканах, Б. Олейник поднимал свой голос в защиту сербов, разоблачая и осуждая брутальную агрессию, сопровождавшуюся бомбардировками городов и селений Сербии. Одно из его эссе – "Кто следующий?" – явилось горьким пророчеством поэта о том, что Югославия – не последняя страна, подвергшаяся глобализационной "демократизации" США и их европейских союзников. Вскоре они и ответили поэту на его вопрос. Следующими стали Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия.

Разумеется, не мог Б. Олейник не выразить отношения к югославской трагедии и в поэтических произведениях. Одно из наиболее пронзительных и набатных озаглавлено "Гей, славяне". Оно о сербах, оказавшихся, как пишет поэт, "*средь двадцатого века на смертной меже*", о Православии, на которое "*замахнулся сатана*". Поэт взывает к общеславянской солидарности. Сказано всё это Олейником совсем не задним числом, не после, а в самый разгар кровавой расправы "цивилизованного Запада" над православными сербами. Голос поэта звучал прямо из сербских окопов. В стихотворении "Спасибо вам, сербы!" Олейник вернётся к теме сербской трагедии, попросив прощения за тех, кто остался в "*норах и подвалах, дрожащими, как осиновые листья*", в то время, когда в Брюсселе, "*обнявшись со смертью, смеялся сатана*" в генеральском мундире. Повинившись, в том числе и за славянских собратьев, поэт обратился с благодарностью к гордым и неодолимым сербам. "*Спасибо, сербы, неодолимо гордые! // Вы шли в огонь, отбросив все щиты, // Чтоб не исчезли меж народами, // Люцифером сожжённые мосты*".

Славянская страсть превращается в это время у Б. Олейника в сербскую скорбь. Сербские события и страшную беду, с которой сербы столкнулись в 1990-е годы, он воспринял как свою собственную, как беду своего народа. В формировании и упрочении именно такой позиции важную роль сыграло генетически заложенное, отшлифованное в течение всей жизни чувство справедливости и стремление защищать того, кто нуждается в защите. Когда мог и когда не мог, он всегда вставал на защиту тех, кого, по его мнению, обижали, унижали, преследовали. Подал свой голос поэт и в защиту сербов, которых западная пропаганда с подачи США вознамерилась провозгласить "геноцидным народом", объявив злобными и злостными преступниками всех сербов от мала до велика.

О Сербии и о сербах поэт в разных формах, по разным поводам, под разным углом зрения, но всегда – положительно, с уважением и симпатией, писал не раз и не два. Судьбе было угодно распорядиться так, что эта часть славянского мира превратилась для поэта в один из приоритетов, стала постоянным источников переживаний, размышлений, вдохновения. Когда же сербское небо в 1990–2000-е годы заволокло плотным слоем грозных туч, когда главнейшей проблемой сербского государственного и национального существования стала проблема физического выживания, Б. Олейник не счёл для себя возможным оставаться в стороне. Трагедия братского славянского народа превратилась в личную трагедию Мастера.

В сербском "портфеле" Б. Олейника есть эссе "Сатанизация сербов: кому она нужна?" (в 1995 году его отдельной брошюрой издали в Белграде на сербском и на украинском языках). Очень мудрое, глубокое произведение, в котором антисербская политика США и коллективного Запада представлена как системное явление, требующее системного ответа. "Пробивался на Белград сквозь эмбарго, – читаем в нём. – Этим хмурым эвфемизмом хозяева нового мирового порядка маскируют очередной акт в вековой драме геноцида

сербов... Дорогие украинцы, ну, перестанем же, наконец, смешить мир своей святой наивностью... Ещё раз скажу: я никоим образом не отбеливаю или облагораживаю сербов. Но – кто, когда и кому дал право снимать вину с их противников? При такой "правде" мы никогда не узнаем истинной правды, и – хотим мы того или не хотим – только усугубим братоубийство". Б. Олейник всегда и при любых обстоятельствах ратовал за правду в том её виде, который он считал настоящим. Всегда стремился к тому, чтобы не превращать никого в *без вины виноватого*, навешивая на него всех собак. И делал для этого всё, что мог, всё, что от него зависело, всё, что позволяли ему в тот или иной момент обстоятельства и возможности.

На Балканы, к сербам Б. Олейник продолжал регулярно ездить в течение 1990–2000-х годов. Одна из поездок состоялась в апреле-мае 1999 года, как раз тогда, когда Сербию и Черногорию бомбили США и НАТО в ходе акции, цинично названной её организаторами "гуманитарной интервенцией". Ракетно-бомбовые удары по территории СР Югославии начались вечером 24 марта и продолжались до 10 июня. Сначала бомбили военные объекты, затем, вопреки заверениям из Вашингтона и Брюсселя, диапазон целей был расширен, и под смертельный огонь попало всё, включая жилые кварталы, мосты, больницы, редакции средств массовой информации и даже здание посольства Китая в Белграде. Сербская армия, хоть и уступала практически по всем собственно военным параметрам агрессору, оказывала достойное сопротивление. Не сидело сложа руки по подвалам и бомбоубежищам и гражданское население. Одной из форм активного протеста против агрессии стали массовые манифестации на мостах с целью их – мостов – защиты от разрушения. Б. Олейник принял участие в одной из таких акций в Белграде: однажды вечером он появился на Бранковом мосту. На тот момент он в Сербии был уже хорошо и широко известен как большой и верный друг сербов. Его узнавали, приветствовали, выражали благодарность и восхищение его мужеством. Был ли этот поступок героичным? Уверен, что да, – был. Сам же Борис Ильич с присущей ему скромностью так не считал.

Много внимания и времени столь милому и дорогому его сердцу "сербскому делу" Б. Олейник уделял и в Киеве. В Украинском фонде культуры регулярно проводились выставки и другие мероприятия по сербской тематике, включая презентации новых книг, празднование юбилейных дат сербских писателей, годовщин выдающихся событий сербской истории, культуры. Активно он поддерживал работу Общества дружбы "Украина – Сербия", участвовал в ней. Все без исключения послы Югославии, Сербии в Киеве считали для себя честью и почётной обязанностью познакомиться с Б. Олейником, установить контакт с ним и его Фондом. Несколько раз такие знакомства происходили и в моём присутствии, при моём участии. Из посольства Сербии ко мне как-то обратились за помощью в подготовке представления для награждения Б. Олейника сербской государственной наградой. Я, конечно, помог, чем смог, но, увы, дальше представления дело не продвинулось. Награды от братьев-сербов Борис Ильич так и не дождался.

Свою последнюю попытку посетить дорогую для него страну на Балканах Б. Олейник намеревался предпринять в 2016 году. Как председателя Украинского фонда культуры его пригласили в Новый Сад. На радио и телевидении Воеводины, столицей которой, как известно, является этот город, задумали восстановить контакты с Украиной. Обратились ко мне с просьбой найти для них партнёра с украинской стороны. Думать над тем, кто бы у нас мог бы и должен был бы взять на себя такую миссию, долго не пришлось: ясное дело, Борис Ильич и Фонд культуры, кто же ещё? Олейник воспринял предложение благосклонно. Стали готовиться к поездке. Поначалу планировали лететь в Сербию весной, уже даже билеты были на руках, но из-за ухудшения физического состояния Бориса Ильича поездку пришлось отложить на осень. Осенью, к сожалению, история повторилась с ужасающей точностью: сборы, билеты, кризис здоровья, отказ в самый последний момент. Улучшения состояния его здоровья ни мы, ни сам Б. Оейник, увы, так и не дождались...

Киев